

Глаголев С. С. Религия, как предмет исторического и философского изучения: [Рец. на:] Мензис А. История религии / Пер. с англ. М. Чепинской. СПб., 1897 // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 7. С. 76–95 (2-я пагин.). (Окончание.)

Религія, какъ предметъ историческаго и философскаго изученія.

**Мензисъ. Исторія религіи. Переводъ съ англійскаго
М. Чепинской. 1897.**

(Окончаніе)*).

Наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ у Мензиса изложена четвертая часть книги, трактующая о религіяхъ въ арійской группѣ народовъ. Причины этого очень понятны: религіи эти изучены сравнительно наилучшимъ образомъ и имѣется много книгъ и брошюръ мастерски излагающихъ результаты этого изученія. Германцы тщательно собирали и собираютъ свои преданія и саги, предъ Греціею и Римомъ и завѣщаннымъ ими культурнымъ наслѣдствомъ Европа преклонялась въ теченіе столѣтій, Индія привлекла ее своею таинственностію, а религія Заратуштры оказалась очень легко усвояемою: ея мораль возвышенна и проста, а въ ея вѣроученіи есть много элементовъ, отъ которыхъ вѣетъ духомъ родственнымъ ветхозавѣтному откровенію. Но однако и въ трактатѣ объ арійскихъ религіяхъ мы встрѣчаемъ у Мензиса крупныя недочеты. Прежде всего у него здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ его исторіи, нѣтъ исторіи: онъ даетъ характеристику религіи ведъ, браманизма и буддизма, но у него мало выясняется, какъ вторая религія вышла изъ первой и третья изъ второй, между тѣмъ какъ обыкновенно въ курсахъ по исторіи религіи судьбы религіи въ Индіи находятъ себѣ истолкованіе. Затѣмъ онъ по обыкновенію ничего не говоритъ о судьбѣ образовавшихся религіи, о ихъ настоящемъ положеніи, между тѣмъ нѣкоторыя изъ арійскихъ языческихъ религіи

*) См. Б. В. Май и Цюль.

существуютъ еще доселѣ. Весьма страннымъ представляется также, почему авторъ не удѣлилъ въ своемъ курсѣ никакого мѣста религіи кельтовъ. Авторъ—профессоръ университета св. Андрея въ Шотландіи — житель Британскихъ острововъ, но населеніе Британіи кельтскаго происхожденія. Цезарь въ своемъ сочиненіи о галлахъ сообщаетъ, что тѣ изъ галловъ, которые желали получить возможно полное знаніе религіи и ея тайнъ, отиравлились въ Британію. Особенностію религіи галловъ былъ друидизмъ. Согласно свидѣтельству цезаря источникъ и корень его нужно искать не на материкѣ, а на островахъ Британіи. Друидизмъ — своеобразное явленіе въ исторіи религій и заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Почему же Мензисъ ничего не говоритъ объ этомъ явленіи?

Какъ не можемъ мы вполне удовлетвориться трактатомъ Мензиса объ арійскихъ религіяхъ, такъ совсѣмъ неудовлетворительными представляются намъ библиографическія свѣдѣнія по исторіи этихъ религій у кн. Трубецкаго. Должно сказать, что кн. Трубецкой по этому отдѣлу рекомендуетъ и русскія книги, но только эти русскія книги указываются и въ рекомендуемыхъ имъ иностранныхъ пособіяхъ. Такъ, кн. Трубецкой только просто указываетъ „Буддизмъ“ Васильева (Т. 1 и 3), а Шантепи де ла Соссэ сообщаетъ о первомъ томѣ, что онъ важенъ для ознакомленія съ вѣроученіемъ сѣвернаго буддизма (В. 1. S. 390). О переводѣ на русскій языкъ нѣкоторыхъ отдѣловъ Авесты („четыре статьи изъ Авесты“ Коссовича) кн. Трубецкой не упоминаетъ. По религіи славянъ Шантепи де ла Соссэ даетъ болѣе указаній, чѣмъ князь Трубецкой. Представляется непонятнымъ, почему у послѣдняго совсѣмъ не упомянуто о книгѣ Фаминцина „Божества древнихъ славянъ“.

Но оставляя кн. Трубецкаго и обращаясь къ книгѣ Мензиса, мы можемъ повторить, что его очеркъ о вѣрованіяхъ арійцевъ при небольшомъ своемъ объемѣ содержитъ довольно значительное количество легко усвояемыхъ свѣдѣній, которыя съ удовольствіемъ и пользою прочтеть интересующійся судьбами религіи въ родѣ человѣческомъ, но пенамѣренный или не имѣющій возможности идти далеко въ дѣлѣ ея изученія русскій читатель.

Послѣдняя часть книги Мензиса посвящена христіанству. Всякій русскій читатель, конечно, обладаетъ несравненно большими свѣдѣніями о христіанствѣ, чѣмъ какія предлагають Мензисъ. Такимъ образомъ эта часть можетъ привлечь читателя только своею философскою, а не историческою стороною. Но философія Мензиса опирается на рядъ гипотезъ объ источникахъ и исторіи христіанства неизвѣстныхъ обыкновенному православному читателю и потому должна поразить и оттолкнуть его отъ себя. Для лицъ же освѣдомленныхъ съ дѣломъ она, разумѣется, совершенно бесполезна. Укажемъ два мѣста изъ книги Мензиса, которыя хорошо характеризуютъ его отношеніе къ Господу нашему Иисусу Христу и христіанству. „Иисусъ Христосъ, пишетъ онъ на страницѣ 322, смотрѣлъ на себя не какъ на основателя новой религіи, а какъ на создателя внутри старой религіи Его родины кружка болѣе ревностныхъ вѣрующихъ; поэтому онъ не чувствовалъ Себя призваннымъ создавать законы для новой вѣры и результатомъ этого было то, что механизмъ религіи образовался въ болѣе позднее время“. А на страницѣ 325 Мензисъ присоединяетъ къ этому: „Самъ Христосъ не говорилъ опредѣленно, что религія Его назначается для всѣхъ людей. Его непосредственною цѣлью было обновленіе религіи Его соотечественниковъ и приданіе ей болѣе духовнаго характера; иные изъ Его послѣдователей даже думали, что Онъ и не имѣлъ въ виду ничего другаго“. Какъ согласить православный читатель эти утвержденія Мензиса съ заключительными словами Евангелія Матоея: „Иисусъ сказалъ имъ: дана миѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, Сына, и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ Вами во всѣ дни до скончанія вѣка“. Какъ согласить читатель разсужденія Мензиса со всѣмъ содержаніемъ Евангелія и апостольскихъ посланій? Намѣренная неопредѣленность изложенія, кое - гдѣ неискреннія уступки, умолчанія, намеки, но не прямо выраженные положенія, вотъ, что находитъ читатель въ этой главѣ. Кому и на что нужна она въ такомъ видѣ?

Книга Мензиса, конечно, слишкомъ недостаточна для того, чтобы отвратить православнаго читателя отъ право-

славія, но въ изложеніи исторіи израильской и философіи христіанской религіи она заключаетъ въ себѣ много элементовъ способныхъ оттолкнуть отъ нея православнаго читателя. Вотъ почему мы думаемъ, что книга стала бы гораздо лучше, если бы главы объ израильтѣ и христіанствѣ въ ней были выпущены. Хорошо было бы опустить и разсужденіе о первобытныхъ вѣрованіяхъ. Если бы взамѣнъ выпущенныхъ главъ были расширены въ книгѣ главы, говорящія о естественныхъ религіяхъ и религіяхъ, представляющихъ искаженіе ветхозавѣтной и новозавѣтной религіи (исламъ, ново-іудействѣ. Почему у автора о ново-іудействѣ не сказано ни слова?), то она была бы далеко не лишнимъ вкладомъ въ нашу учебную литературу.

2.

Мы высказали свой взглядъ на книгу Мензиса: по нашему мнѣнію она скорѣе можетъ сбить съ толка читателя легкомысленнаго, чѣмъ обогатить познаніями читателя серьезнаго. Но во всякомъ случаѣ появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ и въ изданіи опытнаго издателя (Павленкова) показываетъ, что въ Россіи возникъ спросъ на книги, говорящія о религіи. Такого рода спросъ должно привѣтствовать, но кромѣ того его должно стараться всѣми силами удовлетворять. Книга Мензиса удовлетворяетъ его плохо и нелегко конечно удовлетворить его хорошо. Прежде, чѣмъ дать руководство по предмету, нужно его изучить и для того, чтобы изучить его хорошо, нужны не только трудъ и время, но и методъ, нужно установить при изученіи нѣкоторыя руководящія точки зрѣнія, иначе самыя усердныя занятія останутся малоплодными. Какъ заниматься съ успѣхомъ? заниматься такъ, чтобы съ наименьшей затратой силъ достигать наибольшихъ результатовъ? Высказать по поводу этихъ вопросовъ нѣсколько соображеній мы и желаемъ.

Нельзя сказать, чтобы въ Россіи не занимались изученіемъ религіи, но къ несчастію въ общемъ это изученіе начинали не съ того конца, съ котораго слѣдовало бы его начинать: у насъ давно и усердно занимались и занимаются философіей религіи и очень недавно и немногіе (нѣкоторыхъ изъ этихъ немногихъ мы назвали выше) стали изучать самую религію, т. е. у насъ очень давно объясняли фактъ,

но только недавно стали съ нимъ знакомиться. Въ вопросѣ о религіи у насъ до послѣдняго времени было два направленія: одно—раціоналистическое, не имѣвшее за собою никакихъ знаній и никакой науки, другое—православно-христіанское, имѣвшее подъ собою твердую почву въ знаніи философіи и православнаго богословія, но однако тоже чуждое знаній въ области исторіи религіи. Всѣ произведенія пераго направленія канули въ лету, нѣкоторыя изъ произведеній втораго рода доселѣ читаются съ пользою и интересамъ (наприм., Кудрявцева В. Д. Религія, ея сущность и происхожденіе), но и они имѣютъ значеніе не какъ изслѣдованія, дающія положительное рѣшеніе вопроса, а какъ основательное опроверженіе раціоналистическихъ, деистическихъ и пантеистическихъ воззрѣній на религію: они содержатъ въ себѣ критику различныхъ философскихъ представленій о религіи, а не анализъ религіознаго сознанія и чувства различныхъ народовъ, какъ они выразились въ исторически извѣстныхъ религіяхъ. Философія религіи получила на западѣ широкое развитіе со времени реформаціи. Тамъ, когда люди стали терять вѣру, они начали размышлять и спорить о вѣрѣ. Эти размышленія и споры явились однако тамъ не результатомъ досуга, а стремленіемъ удовлетворить практическія нужды: религіозные раздоры отравляли жизнь и благополучіе народовъ. Нужно было подумать о томъ, какъ уничтожить ихъ? Какое предложить ученіе, которое могло бы удовлетворить всѣхъ? У насъ философія религіи явилась въ XVIII столѣтіи, когда въ высшихъ общественныхъ кругахъ стало распространяться невѣріе, и явилась какъ протестъ противъ этого невѣрія. Философія религіи у насъ съ самаго начала стала апологетикою и такою оставалась до послѣдняго времени. Это, конечно, было хорошо, но не хорошо было то, что она была только апологетикою, и что не всегда раціональнымъ являлся ея методъ, она съузила свое содержаніе разсмотрѣніемъ только важнѣйшихъ христіанскихъ истинъ; и философы религіи повидимому думали, что исключительно путемъ разсмотрѣнія и анализа этихъ истинъ легко можно обосновать ихъ и многіе дѣло этого обоснованія совершали очень наивнымъ образомъ: истины эти въ ихъ изслѣдованіяхъ предполагались неизвѣстными, и они подходили къ нимъ путемъ постепен-

наго устраненія (элиминаціи) дѣлаемыхъ вмѣсто нихъ ложныхъ предположеній (такъ, о мѣрѣ дѣлалось предположеніе, что она самобытенъ, о душѣ, — что она функція тѣла и т. п., пока не доходили до догмата творенія или до признанія самостоятельности духовнаго начала). Этотъ методъ исканія извѣстнаго, конечно, не могъ казаться убѣдительнымъ противникамъ. Но если этотъ методъ должно поставить въ вину авторамъ изслѣдованій, то ихъ нельзя упрекать за содержаніе ихъ изслѣдованій. И ихъ учителя, западные философы религіи, не изучали религіи, но или защищали богооткровенную религію или искажали и отрицали ее, каждый, сообразуясь исключительно съ своей настроенностію. Нужно было придти къ сознанію истины и теперь, кажется, къ ней приходятъ, что самымъ лучшимъ образомъ можетъ быть доказана истинность христіанской религіи, когда будутъ изучены религіи языческія, когда религія будетъ изучена во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ въ родѣ человѣческомъ. Религія есть ученіе и дѣятельность и, какъ ученіе и какъ дѣятельность, она проявляется въ весьма разнообразныхъ формахъ. Существуютъ религіи безъ Бога, безъ идеи нравственнаго мздовоздаянія, безъ ученія о безсмертіи. Изслѣдованіе исторіи религіозныхъ ученій показало бы философамъ религіи, что въ религіозныя ученія — будутъ ли они возвышенными или низменными — всегда прокрадывались элементы, которые должно назвать патологическими, всегда въ нихъ прокрадывалась историческая ложь — миѳы (ложныя повѣствованія о явленіяхъ религіознаго характера и о религіозной дѣятельности лицъ). Есть что-то патологическое въ духовной природѣ людей, что заставляеть даже лучшихъ изъ нихъ сочинять чудеса и окружать ложно преувеличеннымъ ореоломъ чудотворцевъ. Такой исторической лжи нѣтъ только въ богооткровенной религіи, но не потому что послѣдователи ея не были склонны къ ней, и среди нихъ во имя самыхъ добрыхъ намѣреній быстро создавались ложныя сказанія, но потому что здѣсь истину охраняеть святая церковь. Понятія церкви, какъ хранительницы истины, не затрагивали наши философы религіи. Они говорили о какой-то абстрактной никогда не существовавшей религіи, которая всегда и вездѣ признавалась всѣми народами, и они въ общемъ, замѣтно, склонялись къ опредѣленію, что религія

есть мірообъясненіе, т. е. ученіе, говорящее о происхожденіи, и назначеніи вещей, но такъ какъ религія, какъ ученіе, должна въ сущности объяснить все и такъ какъ у различныхъ народовъ она объясняла и говорила совсѣмъ о различномъ (въ буддизмѣ—мы разумѣемъ первоначальный буддизмъ—въроученіе имѣло въ виду объяснить челоѣку его духовную природу и ея стремленія, въ германскихъ сагахъ въроученіе рассказывало челоѣку о жизни боговъ, почти не касаясь вопроса о зависимости отъ нихъ нравственнаго міропорядка), то дать опредѣленіе религіи подходящее ко всѣмъ религіямъ для философовъ оказывалось невозможнымъ.

Отъ изслѣдованія религіи, какъ дѣятельности, философы уклонялись. Нисхожденіе Бога къ челоѣку и восхожденіе челоѣка къ Богу, вотъ—въ чемъ должна заключаться религіозная исторія челоѣчества. Божественное откровеніе, промышленіе, ниспосланіе благодатныхъ даровъ со стороны Бога челоѣку, индивидуальное и соборное усвоеніе челоѣкомъ ниспосылаемаго Богомъ, этотъ процессъ философы послѣдняго времени затрогивали менѣе, чѣмъ мыслители давно прошедшихъ вѣковъ. Въ первые вѣка христіанской вѣры неоплатоники учили объ экстазѣ, какъ о способѣ соединенія съ Божествомъ, а въ средніе вѣка философы усердно разрабатывали теорію экстаза, и Альгацалли далъ блестящее ученіе объ экстазѣ, какъ высшемъ способѣ богопознанія. Еслибы наши философы религіи, оставивъ даже исторію религій, обратились только къ исторіи христіанской церкви, то и тамъ бы они встрѣтили явленія, которыя должны были расширить ихъ представленія о религіи, какъ дѣятельности, и о религіозномъ подъемѣ духа. Разумѣемъ споръ варлаамитовъ и паламитовъ, имѣвшій за собою долгую предварительную исторію. Еслибы за тѣмъ они обратились къ исторіи религіозной жизни народовъ, то въ послѣдовательномъ ходѣ этой жизни, какъ и въ послѣдовательномъ развитіи религіозныхъ ученій, они увидѣли бы приращеніе патологическихъ элементовъ—приращеніе неизбежное, свидѣтельствующее о болѣзненномъ состояніи духовной природы челоѣка. Примѣты, гаданія, колдовство, изъ видовъ котораго самымъ характернымъ и преобладающимъ являются заговоры, неизбежно пускаются въ ходъ людьми самыхъ различныхъ религій. У людей безсознательно развивается

и вырастаетъ убѣжденіе, что богами управляетъ сила заклинаній. Мы намѣренно привели ранѣе опубликованный (въ *Revue Biblique*) халдейскій псаломъ, въ которомъ молящійся надѣется низвести къ себѣ Божество силою своихъ пѣсенъ. Такимъ же характеромъ отличаются многіе индусскіе гимны и такое же значеніе многими народами приписывалось обрядамъ и формуламъ, формула произносилась, и высшія силы подчинялись волѣ произносившаго. Такъ какъ подобныя воззрѣнія просвѣчиваютъ въ древнѣйшихъ частяхъ древнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, то это подало поводъ многимъ изслѣдователямъ по исторіи религій думать, что заговоръ есть первичная форма молитвы. Еслибы философы изучали исторію религій, они, думаемъ, давно-бы опровергли такое предположеніе. Психологически легко понять, какъ заговоръ могъ возникнуть изъ молитвы, но трудно объяснить обратный процессъ. Представимъ себѣ отвлеченно общество людей съ сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ, такое общество обыкновенно предлагаетъ Богу свою душевную настроенность и не заботится о строгой формулировкѣ обрядовъ, и размѣренности поклоновъ, за всѣмъ тѣмъ чувства одушевляющія общество, конечно, должны выражаться въ словахъ и дѣйствіяхъ. Но обыкновенно бываетъ, что высокій подъемъ духа не держится въ обществѣ долго и постепенно понижается и ослабѣваетъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Тогда эти поколѣнія, сохранивъ привычку служить Богу, будутъ приносить Богу то, что легче всего приносить—не сердце сокрушенно и духъ униженъ, а только слова, которыми ихъ отцы говорили о своемъ сокрушенномъ сердцѣ и униженномъ духѣ, они будутъ заботиться не о томъ, чтобы ихъ молитвенный вопль исходилъ изъ сердца, а о томъ, чтобы молитва приносилась въ опредѣленныхъ выраженіяхъ, такъ символъ будетъ постепенно вытѣснять идею и обрядовыя дѣйствія будутъ замѣнять собою сердечныя помышленія. Тогда постепенно разовьется мысль, что за обрядъ и слова молитвы Божество обязано подавать такія или иныя благодѣянія, отсюда получится и тотъ выводъ, что посредствомъ заговоровъ можно управлять Божествомъ. Если мы теперь отъ этой психологической возможности обратимся съ исторической дѣйствительности, то увидимъ, что такъ бы-

вало и бывало много разъ. Обряды возникшіе въ христіанской церкви, первоначально служили выраженіемъ одушевленнаго христіанъ благочестиваго чувства, но въ послѣдствіи многіе стали обращать вниманіе на одни обряды о чистотѣ же сердца не радѣть. Равнымъ образомъ въ магометанствѣ тотъ подъемъ духа, который характеризовалъ его въ началѣ, совершенно исчезъ въ послѣдствіи: омовенія смѣнили собою фанатизмъ. Взглядъ на заговоръ, какъ на первичную форму молитвы, возникъ по двумъ причинамъ: во 1), какъ мы уже говорили, потому что въ древнѣйшихъ литературныхъ, и историческихъ памятникахъ заговоръ является дѣйствительно первичною формою молитвы; во 2) потому что въ исторіи извѣстно много случаевъ, когда религіозный формализмъ вызывалъ противъ себя протестъ и обличенія, и такимъ образомъ развитіе вѣдшей обрядности предшествовало появленію искренней религіозности. Но во 1) религія, отражающаяся въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, не есть древнѣйшая религія, ибо религія несомнѣнно явилась раньше, чѣмъ явилась литература. Во 2) реакція противъ обрядности повторялась и будетъ повторяться неоднократно, и самыя формы, въ которыхъ она обыкновенно происходитъ, отрицаютъ то, чтобы формализмъ считался первичною формою религіи. Когда Лютеръ или Цвингли возставали противъ крайняго развитія обрядности въ католицизмѣ, они возставали во имя первоначальнаго христіанства, а не говорили, что они идутъ противъ его первоначальной формы. Но философы религіи мало размышляли надъ историческими религіозными явленіями и не вдумывались, а потому и не объясняли, отчего изъ благихъ начинаній или даже повидимому самыя благія начинанія въ области религіи приводили къ печальнымъ явленіямъ. Во многихъ религіяхъ возникли уродливо-болѣзненная формы мистицизма (созерцаніе факировъ, ведущее къ блаженному погруженію въ небытіе Брамъ, стигмаціи католическихъ святыхъ). Мы выше отмѣтили, говоря объ исламѣ, что религіозный историческій процессъ совершался во многихъ странахъ и у многихъ народовъ, по аналогичнымъ путямъ, и далеко не всѣ эти пути вели къ небу. Должно отмѣтить еще, что всегда черезъ нѣкоторый періодъ на этихъ путяхъ заблужденія раздавались голоса, призывавшіе вернуться

на путь правый. Философы религіи должны были изучить всѣ эти сложныя и многообразныя явленія въ религіозной жизни народовъ и движеніе этой жизни, но они, рѣшивъ о ргіогі основные вопросы религіи, затѣмъ подгоняли случайно узнанные ими отрывочные факты изъ исторіи разныхъ религій въ подтвержденіе своихъ взглядовъ. Философъ долженъ имѣть свои религіозныя убѣжденія и православный философъ имѣетъ ихъ православныя, но для того, чтобы понять убѣжденія другихъ, онъ долженъ узнать, что ихъ породило, и для того, чтобы доказать истинность своихъ убѣжденій и раскрыть заблужденія другихъ, онъ долженъ познакомиться какъ можно съ большимъ числомъ различныхъ религіозныхъ убѣжденій, долженъ узнать различные виды религіозной совѣсти. Только исторія религій—строгая и добросовѣстная—обнажаетъ эту совѣсть, и къ этой исторіи долженъ обратиться философъ, чтобы получить данныя для отвѣта на вопросъ, что есть и чѣмъ должна быть религія?

Изученіе исторіи религій, по нашему мнѣнію, даетъ обильный апологетическій матеріалъ и внушаетъ самыя отрадныя надежды изучающему. Прежде всего это изученіе открываетъ намъ, что религіи, какъ онѣ открываются во вѣкъ, суть выраженіе неистребимаго стремленія человѣческаго духа къ безконечному благу. Человѣкъ не можетъ удовлетвориться тѣми благами, которыя даетъ или можетъ дать ему земля, онъ даже не можетъ представить себѣ того идеальнаго порядка, при которомъ можно бы было воскликнуть: „счастливыи мигъ, продлись ты вѣчно“. Человѣкъ желаетъ тѣснѣйшаго единенія душъ въ любви, а не того вѣдншаго взаимообщенія, которое возможно на землѣ, онъ желаетъ новаго неба и новой земли. Правда, попытки нарисовать и представить это небо у него всегда оказывались неудачными: Элизіумъ, жилище Озприса, Валгалла, рай Магомета или Буянъ-островъ славянъ, все это оказывается земнымъ и отъ всего этого вѣетъ прахомъ. Все это—описанія цвѣтовъ, сдѣланныя слѣпыми, но всѣ эти описанія показываютъ, что въ сердцахъ этихъ слѣпыхъ живетъ неистребимая вѣра въ существованіе свѣта. Эта вѣра слышится во всѣхъ религіяхъ, она есть то драгоцѣнное зерно,

которое скрывается подъ чудовищной мифологіей восточнаго и западнаго міра. Говорятъ:

Чудный жемчугъ Іордана
Міръ фальшивымъ подмѣнилъ.

Богооткровенная истина въ религіяхъ замѣнилась чело-
вѣческими лжеученіями. Истинный жемчугъ замѣнили фаль-
шивымъ, но вѣдь, и фальшивый жемчугъ подобенъ жемчугу.
Эту истину къ сожалѣнію часто забывали неумѣренные апо-
логеты истинной религіи, черезъ чуръ усердно нападая на
религіи ложныя. Согласно ихъ сужденіямъ и оцѣнкѣ полу-
чалось, что языческія религіи хуже атеизма. Это заключеніе
ведетъ за собою два вывода: 1) что народы легко могутъ
жить, безъ религіи, если живутъ, исповѣдая религіи худ-
шія, чѣмъ атеизмъ; 2) что для принятія истинной религіи
непужно никакого предварительнаго приближенія къ рели-
гіозной истинѣ. Выводы эти плохо согласуются съ учебни-
ками тѣхъ же апологетовъ, въ каковыхъ учебникахъ гово-
рится о религіи, какъ всеобщемъ и необходимомъ явленіи
въ родѣ челоувѣческомъ. Но если эти выводы не могутъ
удержать апологетовъ отъ ихъ заключеній, то отъ нихъ
должна удержать ихъ исторія религій. Внимательное изу-
ченіе ея должно показать имъ, что не только фальшивый
жемчугъ ложныхъ религій представляетъ собою нѣкоторое
подобіе жемчугу религіи истинной, но что въ нихъ остались
крупницы и истиннаго жемчуга.

Первая истина, въ которой утверждаетъ изученіе исторія
религій, состоитъ въ томъ, что религія есть необходимая
потребность челоувѣческаго духа. Но не всѣ религіи въ рав-
ной мѣрѣ удовлетворяютъ эту потребность. И вотъ, вторая
истина, выносимая изъ изученія религій, говоритъ: только
христіанская религія вполне удовлетворяетъ эту потребность
челоувѣческаго духа. Религіи, которыя погибли, уже тѣмъ,
что онѣ погибли, свидѣтельствуютъ, что онѣ не заключали
въ себѣ истины. Религія ассиро-вавилонянъ съ своею нату-
ралистическою и астрономическою мифологіею, съ своею
наивною магіей и астрологіей давно перестала плѣнять умъ
и сердце народовъ. Религія египтянъ, прошедшая много
фазъ въ своемъ историческомъ развитіи, умерла незамѣт-
ною смертію, постепенно принимая въ себя новыя и чуж-

дые элементы и теряя старые. Религія Элады съ ея жизне-радостными, свѣтлыми и лучезарными богами, такъ много говорящая чувству прекраснаго и такъ мало касающаяся великихъ міровыхъ проблемъ, не могла служить для религіознаго обихода людей, лишь только они вышли изъ юнаго возраста. Религія римлянъ, поскольку она была чисто римскою, была религіею понятій, и когда люди развились, они достойно оцѣнили логическую силу этихъ понятій, но отняли у нихъ божеское достоинство. Такъ постепенно зрѣвшая мысль и повышавшаяся религіозная чуткость рыли могилу религіямъ языческаго міра. Въ нѣмецкой сагѣ *Götterdämmerung* съ трагическою силою выражено предчувствіе гибели языческихъ боговъ. Великія знаменія возвѣщаютъ о приближеніи этой катастрофы: ужасная продолжительная зима, страшные раздоры и убійства между людьми. Отцы не будутъ щадить дѣтей, братъ не будетъ щадить брата. Злыя и враждебныя силы, дотолѣ стѣсненныя, тогда начнутъ дѣйствовать съ ужасающею энергіею, онѣ выступятъ противъ боговъ, явятся великаны, титаническія силы земли, явится Сутръ, владыка огненнаго міра съ своими войсками, наконецъ явится Локи (богъ зла) съ волкомъ подземнаго міра, съ змѣею Мидгаръ и со всѣми приверженцами богини Гель (богини ада). Волкъ Фенриръ будетъ стараться проглотить небо и солнце, луну и звѣзды, змѣя поглотитъ землю. Боги выступятъ на борьбу съ темными силами, Азы (родъ добрыхъ боговъ) выступятъ на борьбу съ Локи и его родомъ, и въ этой борьбѣ погибнуть тѣ и другіе. Волкъ Фенриръ проглотитъ Одина (верховнаго бога), и Локи погибнетъ послѣднимъ.

Эта гибель боговъ уже совершилась. Религіи древнихъ германцевъ не исповѣдуетъ никто, однако и нынѣ люди почитаютъ не одного Бога и Христа Его, но на землѣ существуетъ много вѣръ и менѣе $\frac{1}{4}$ человечества носитъ имя христіанъ. Но это разнообразіе вѣрованій и данныя религіозной статистики не заставляютъ изслѣдователя затеряться въ сравнительной оцѣнкѣ достоинства религій. Истинная религія есть та, которая проповѣдуетъ совершенствованіе и указываетъ человѣку путь къ достиженію высшаго назначенія. Но изъ существующихъ религій браманизмъ и буддизмъ, не смотря на то, что религіозная статистика насчитываетъ по-

слѣдователей перваго 140 милліоновъ, а втораго—500 милліоновъ, отрицаютъ высшее назначеніе человѣка. Это—религіи или духовныхъ самоубійцъ или религіи какихъ-то полумистическихъ забавъ и полурационалистическихъ фантазій (теософическое общество). Здоровому духу онѣ не дадутъ здоровой духовной пищи. Далѣе, слѣдуетъ исламъ—религія насчитывающая болѣе 120 милліоновъ послѣдователей и совсѣмъ недогадывающаяся о существованіи высшихъ идеаловъ. Коранъ содержитъ въ себѣ много хорошихъ и дѣльныхъ правилъ, но, уча, какъ хорошо и честно жить на землѣ, онъ какъ-то не направляетъ духъ къ небу. Самая поздняя по времени появленія изъ всемірныхъ религій, магометанство восприняло въ себя главнымъ образомъ самыя раннія изъ ветхозавѣтныхъ откровеній. Это—религія отсталой части человѣчества. Отсталой, но не павшей; къ несчастію на землѣ гораздо болѣе двухсотъ милліоновъ людей глубоко пало въ духовномъ отношеніи и исповѣдуемая ими религія направляются уже не къ идеалу, а отъ идеала, ихъ вѣрованія посятъ извращенный характеръ, въ этихъ вѣрованіяхъ еще остались крупицы истины, какъ и въ сердцахъ исповѣдающихъ ихъ осталась способность чувствовать истину. Но эти не многіе лучи даютъ такъ мало тепла и свѣта, что они не могутъ даже поддержать существованія дикарей-язычниковъ, и они, оттѣсняемые людьми культуры, разсѣваются

Грустно, въ дикомъ безпорядкѣ,
 Какъ обрывки тучъ отъ бури,
 Какъ сухіе листья въ осень,
 Размѣтаемые вѣтромъ.

Человѣкъ можетъ постепенно терять образъ Божій, но онъ не можетъ жить, потерявъ его совсѣмъ. Духовная деградация ведетъ за собою физическое вырожденіе и гибель. Дикари вымираютъ, вымираютъ и ихъ вѣрованія. Но кромѣ дикарей-язычниковъ магометанъ, браманисговъ и буддистовъ, конфуціанъ (въ Китаѣ они смѣшиваются съ буддистами), на землѣ еще есть милліоновъ 8 іудеевъ, вѣрованія которыхъ представляютъ извращеніе ветхозавѣтнаго откровенія, около 160 тысячъ парсовъ или гебровъ далеко не въ чистомъ видѣ сохраняющихъ ученіе маздеизма и наконецъ около 450 милліоновъ христіанъ, девизъ которыхъ—обладаніе истиною

и служеніе добру. Врагъ рода человѣческаго и въ ихъ обществѣ посѣялъ клеветы. Одни крайне преувеличили индивидуальныя силы человѣческаго разума и признали за каждымъ право свободы въ изслѣдованіи истины и оцѣнкѣ предлагаемыхъ ученій, они крайне преувеличили и нравственную независимость человѣка, поставивъ дѣло его нравственного усовершенствованія въ исключительную зависимость отъ него одного. Другіе, напротивъ, потребовали отъ человѣка безусловнаго подчиненія, какъ въ дѣлѣ пониманія вѣры, такъ и въ практической дѣятельности. Первые, цѣня такъ высоко силы духа человѣческаго, не придали значенія въ религіи культу, какъ вещественному началу религіи, вторые, напротивъ, считая человѣка крайне слабымъ, въ культѣ (обрядохъ, церемоніяхъ) черезъ тѣло воздѣйствующемъ на духъ увидѣли могущественное средство для того, чтобы его поднять. Первые, лишивъ человѣка критерія, которымъ онъ могъ бы провѣрять правильность своихъ мнѣній и вѣрованій и отказавъ ему въ надеждѣ на молитвенную помощь другихъ, сдѣлали человѣка безпомощнымъ въ дѣлѣ спасенія, вторые, приказавъ человѣку всецѣло подчиняться авторитету, внушили ему безпечность. Первые отвлеченностію своего ученія должны были оттолкнуть сердца, вторые вещественностію своего культа оскорбляютъ умы. Такъ, ни протестантство, ни католичество не могутъ дать полнаго удовлетворенія стремленіямъ человѣческаго духа и вести его прямымъ путемъ къ совершенствованію. Это дѣлаетъ православіе. Личная свобода и церковный авторитетъ, буква и духъ въ немъ находятся въ полной гармоніи, здѣсь нѣтъ мѣста ни чувству безпомощности, ни чувству безпечности, отъ послѣдователя православія требуется постоянная собранность духа. И протестантство, и католичество и православіе преслѣдуютъ единую благую цѣль, единое, что есть на потребу— спасеніе человѣка, угодленіе человѣка Христу, Богоуподобленіе, но протестантство и католичество неправильно оцѣниваютъ силы человѣка и потому предлагаютъ ему невѣрныя средства для достиженія цѣли. Протестантство считаетъ человѣка титаномъ и предоставляетъ его самому себѣ, католичество видитъ въ немъ раба и не позволяетъ сдѣлать ему ни одного свободнаго движенія. Только православіе признаетъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть, представляетъ

его природу съ ея темными и свѣтлыми сторонами, какою она является въ дѣйствительности, оно не льститъ страстямъ челоуѣка и не требуетъ отъ него, чтобы онъ однимъ смѣлымъ порывомъ стяжалъ себѣ полную праведность и достигъ неба, постепенно и неуклонно оно направляетъ его къ истинѣ и добру и воспитываетъ такъ, чтобы изъ гражданина земли настоящей сдѣлать гражданиномъ земли новой, которую ожидаетъ апостоль. Какъ и всѣ христіанскія исповѣданія, православіе обращается къ своимъ послѣдователямъ съ словами Христа: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѡ. V, 48), но только одно оно указываетъ истинно-прямой путь къ достиженію этого совершенства. Вотъ—вторая истина, которую долженъ вывести мыслитель изъ изученія исторіи религій и исповѣданій.

Исторія религій должна дать изучающему вѣру въ религіозную истину, но кромѣ того она даетъ ему твердыя основанія для надежды на торжество этой истины. Исторія религій показываетъ, что на пространствѣ вѣковъ въ общемъ челоуѣчество прогрессировало, богосознаніе и правосознаніе возвышались. Это прогрессивное движеніе не было прямолинейнымъ: за религіозно-нравственнымъ подъемомъ духа слѣдовала обыкновенно реакція, но каждая послѣдующая реакція была уже не полнымъ, а лишь умѣреннымъ поворотомъ къ прошедшему, и каждый послѣдующій подъемъ духа былъ значительно шире и глубже предыдущаго. Религія перво-арійцевъ, слѣды которой наиболѣе сохранились въ первоначальномъ ученіи маздеизма и древнѣйшихъ ведяхъ, заключала въ себѣ много хорошихъ нравственныхъ правилъ и не налагала тяжелыхъ бремени на ея послѣдователей. Браманизмъ осложнитъ ее бременими тяжкими и неудобоносимыми. Внѣшнихъ проявленій религіозности требовалось очень много, но о внутренней доброй настроенности позабыли. Подобный фазисъ переживали и другія религіи. Люди, переживающіе этотъ фазисъ, обыкновенно именуютъ себя благочестивыми, и по внѣшности религія тогда торжествуетъ. Но каждому изъ такихъ благочестивыхъ можетъ быть сказано то, что было сказано нѣкогда ангелу сардійской церкви: „ты носишь имя будто живъ, но ты мертвъ“ (Откр. ІІІ, 1). Это самый печальный фазисъ въ исторіи религіознаго развитія. Къ счастью, опъ

не можетъ продолжаться долго: человѣкъ, вѣдь, не только плохъ, но и хорошъ, онъ не только устаетъ въ служеніи добродѣтели, но и возмущается порокомъ. Когда торжествуетъ буква, о мертвящемъ значеніи которой учитъ насъ Писаніе, всегда какъ то бываетъ, что эта буква однимъ даетъ очень много правъ, а на другихъ налагаетъ очень много обязанностей. Последніе постепенно начинаютъ возмущаться своимъ положеніемъ, и мало по малу подготавлиются тѣ движенія, которыя въ исторіи извѣстны подъ именемъ реформаций. Поднимаются протесты противъ существующаго положенія вещей. Эти протесты имѣли мѣсто не только въ религіяхъ естественныхъ, но и въ религіи боготкровенной, объ этомъ свидѣтельствуютъ писанія пророковъ. Западный рационализмъ видитъ въ нихъ предшественниковъ закона, но на самомъ дѣлѣ они протестовали противъ неисполненія и противъ формализма въ исполненіи закона. Богооткровенная религія непогрѣшима, какъ, ученіе, но человѣчество, понятно, не можетъ осуществлять ея требованія непогрѣшимымъ образомъ. Жаль только, что это погрѣшительное осуществленіе религіозныхъ требованій часто ставили въ упрекъ самой религіи, у насъ это происходитъ теперь постоянно. Въ религіяхъ естественныхъ реформации тоже обыкновенно направлялись на искорененіе плохаго, при чемъ реформы часто далеко переходили за тѣ предѣлы, которые намѣчали себѣ сначала. Рѣка въ половодье рѣдко удерживается въ берегахъ, обыкновенно она залиываетъ окрестное пространство и ломаетъ и уноситъ все то, что было на этомъ пространствѣ. Такое дѣйствіе часто производили и реформации. Но половодье не продолжается долго, и реформации не долго имѣютъ лихорадочный характеръ, мало по малу они принимаютъ снокойный видъ. Однако тамъ, гдѣ они возникли, уже трудно возстановить религіозное оцѣпененіе. Тамъ возникаетъ броженіе. Процессъ религіознаго развитія продолжается, онъ можетъ замедляться, въ него всегда прокрадывается что нибудь болѣзненное, но въ общемъ свѣтъ религіозной истины чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разгорается въ очахъ человѣческихъ. Заблужденія исчезаютъ, нравственныя требованія повышаются. Это должно наполнять утѣшеніемъ сердце людей любящихъ человѣчество, должно ободрять ихъ въ

ихъ движеніи по нути жизни. Правда, прогрессивно-религіозное движеніе не захватывало никогда въ своемъ теченіи всего человѣчества, въ русло этого движенія вступала и вступаетъ его лучшая часть, а внѣ его по всевозможнымъ путямъ двигается религіозно больное и невѣрующее человечество. На это приходится смотрѣть со скорбію, но безъ смущенія. Это печальныя тѣни, но все болѣе и болѣе разгорающійся свѣтъ добра внушаетъ надежду, что нѣкогда солнцемъ правды опѣ будутъ разсѣяны совершенно.

Такъ изученіе исторіи религій по нашему мнѣнію должно приводить къ истинѣ и утверждать въ надеждѣ на ея торжество. Такіе результаты изученія, безъ сомнѣнія, дѣлають исторію религій предметомъ преимущественно достойнымъ изученія. Но доселѣ, къ сожалѣнію, она не сдѣлалась такимъ предметомъ: исторія религіи у насъ въ Россіи нигдѣ не преподается, какъ самостоятельный предметъ: на историко-филологическомъ факультетѣ университетовъ она примыкаетъ къ наукамъ историческимъ, въ духовныхъ академіяхъ она соединяется съ богословіемъ, но и тамъ и здѣсь ей отводится менѣе, чѣмъ второстепенное мѣсто. Думаемъ, что такъ не должно быть въ будущемъ. Религія есть не только историческій фактъ, но и историческій факторъ и факторъ очень важный, очевидно, для того, чтобы правильно оцѣнить его значеніе, историку нужно не только изслѣдовать его въ связи съ другими факторами, но и взглянуть на него изолированно. Тѣмъ болѣе богословамъ нельзя знакомиться съ исторіей религій мимоходомъ. Мысль о необходимости для нихъ знать внѣ-христіанскія религіозныя ученія, видно, уже признана. Хотя въ духовныхъ семинаріяхъ и нѣтъ кафедръ по исторіи религій, по характеристика и оцѣнка важнѣйшихъ религіозныхъ системъ введена въ программу по Введенію въ Богословіе. Точно также изъ программъ представленныхъ профессорами Академіи въ Святѣйшій Синодъ видно, что трое изъ четверыхъ нашихъ нужнымъ ввести въ курсъ своихъ чтеній трактатъ о религіяхъ. Но не трудно также видѣть, что союзъ исторіи религій съ Введеніемъ въ Богословіе можетъ быть только искусственнымъ. Задача Введенія въ Богословіе—выяснить и обосновать существенныя истины религіи; очевидно, для выполненія этой задачи Введеніе въ Богословіе можетъ

пользоваться выводами изъ исторіи религій, но не должно заниматься самостоятельно разработкой этой исторіи. У Введенія въ Богословіе много иныхъ задачъ и для выполненія нѣкоторыхъ изъ нихъ гораздо нужнѣе знаніе иныхъ наукъ, чѣмъ исторіи религій, но тѣ науки не вводятся въ программу Введенія въ Богословіе, потому что онѣ изучаются самостоятельно, а исторію религій присоединили сюда, потому что больше присоединить ее некуда, а самостоятельного мѣста ей не дали. Но было бы лучше и въ логическомъ и въ практическомъ отношеніи, еслибы она была выдѣлена въ особый предметъ. Это можно сдѣлать, не производя никакихъ затратъ (хотя, конечно, если на это дѣло произвести затраты, то онѣ окупятся съ великимъ избыткомъ). Не говоря уже о семинаріяхъ, и въ академіяхъ не для каждой научной вѣтви существуетъ особая кафедра, но нѣкоторые предметы по два преподаются однимъ наставникомъ (логика и философія, пастырское Богословіе и педагогика, Библейская археологія и еврейскій языкъ, церковная археологія и литургика и т. д.), точно также и исторію религій могъ бы преподавать профессоръ Введенія въ Богословіе, но только непременно, какъ особую науку. Логически трудно связать исторію религій съ Введеніемъ въ Богословіе. Въ одной изъ академическихъ программъ по Введенію въ Богословіе, мы видимъ, совсѣмъ отсутствуетъ трактатъ о религіяхъ внѣткровенныхъ. Въ программѣ по Введенію въ Богословіе для духовныхъ семинарій разсужденіе „о религіяхъ внѣ христіанства“ не связано органически съ курсомъ, а помѣщено въ прибавленіи, и пишущій эти строки на вопросъ предложенный имъ на пріемныхъ испытаніяхъ въ духовную академію по Введенію въ Богословіе: „для чего въ эту науку входитъ обзоръ религій естественныхъ?“ услышалъ отвѣтъ: „да, вѣдь, о нихъ говорится въ приложеніи“. Отвѣчающій не только не рѣшилъ для себя этого вопроса, но въ виду того, что дѣло идетъ о прибавленіи, повидимому считалъ лишнимъ его ставить. Но если даже съ грѣхомъ пополамъ и связать исторію и обзоръ религій съ Введеніемъ въ Богословіе, то это соединеніе не можетъ быть произведено безъ ущерба для исторіи религій. Исторія религій, какъ часть Введенія въ Богословіе, должна служить только интересамъ и зада-

чамъ послѣдней науки, но на самомъ дѣлѣ исторія религій даетъ матеріалъ и нужныя свѣдѣнія для многихъ богословскихъ наукъ: церковной исторіи приходится считаться съ мифіемъ о происхожденіи нѣкоторыхъ элементовъ христіанскаго вѣроученія изъ языческой теософіи и языческихъ мистерій, литургикѣ приходится имѣть дѣло съ теоріей происхожденія христіанскихъ обрядовъ изъ языческихъ и т. д. Введенію въ Богословіе нѣтъ возможности заниматься обсужденіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, неудобно и церковной исторіи и археологіи или литургикѣ обсуждать вопросы о взаимоотношеніи языческихъ вѣрованій, ученій и обрядовъ и вѣроученія и обрядовъ христіанскихъ, потому что такое обсужденіе для того, чтобы быть яснымъ и обоснованнымъ, должно опираться на подробную характеристику языческихъ вѣрованій, а такой характеристикѣ совсѣмъ нѣтъ мѣста въ наукахъ имѣющихъ совершенно спеціальныи предметъ. Очевидно, самое удобное предпослать этимъ наукамъ курсъ по исторіи религій, и изъ этого курса и философія религій, и церковная исторія, и литургика будутъ черпать—каждая—то, что ей полезно и нужно.

При одномъ недѣльномъ урокѣ въ семинаріяхъ и при одной лекціи въ недѣлю въ Академіяхъ можно было бы въ достаточной мѣрѣ познакомить воспитанниковъ съ исторіей религій. Семинарскій курсъ заключалъ бы въ себѣ съ небольшимъ 100, а академическій приблизительно 300 съ чѣмъ-либо страницъ. Этотъ курсъ былъ бы полезенъ и для богословско-философскаго развитія учащихся и въ ихъ дальнѣйшей практической дѣятельности при встрѣчѣ съ нашими самоципными учителями религій и ихъ послѣдователями. Одинаково не зная ни христіанской ни языческой религій, наши отечественные раціоналисты обыкновенно идеализируютъ послѣднія. Этой фантастической идеализаціи нужно противопоставить правильный взглядъ на дѣло. Но здѣсь должно опасаться впасть въ другую крайность, въ которую часто впадали и впадаютъ наши богословы: нужно остерегаться, чтобы не подпасть въ своихъ сужденіяхъ о языческихъ религіяхъ въ вліянію предвзятыхъ идей. Безъ предвзятыхъ идей, собственно говоря, невозможно никакое изслѣдованіе, но эти идеи нужно провѣрять путемъ изслѣдованія, а не ограничивать изслѣдованіе собираніемъ фактовъ, подтверждающихъ эти идеи.

Въ нашей учебной литературѣ по исторіи религій можно отмѣтить, какъ недостатки, стремленіе характеризовать языческія религіи черезъ чуръ мрачными красками и все то, что въ нихъ встрѣчается хорошаго, объяснять, какъ отголосокъ первооткровенія. Послѣдняя тенденція до послѣдняго времени присуща и многимъ католическимъ и лютеранскимъ авторамъ. Но какъ не слѣдуетъ отрицать и унижать то хорошее, что было у язычниковъ, такъ не слѣдуетъ и спѣшить выводить его происхожденіе изъ откровенія даннаго патріархамъ. Въ языческихъ религіяхъ встрѣчаются монотеистическія положенія, не должно думать, что это непременно историческое воспоминаніе, монотеизмъ можетъ возникнуть и какъ философская идея. У американскихъ индійцевъ нашли преданія сходныя съ библейскими, несомнѣнно, что это — не отголосокъ первооткровенія, а принявшіе туземную окраску рассказы миссіонеровъ. Въ другихъ случаяхъ сказанія сходныя съ библейскими являются отголоскомъ событій мѣстныхъ. Таковы, наприм., греческія сказанія о потопѣ. Между тѣмъ апологеты чрезвычайно злоупотребляли и злоупотребляютъ доселѣ ссылками на преданія народовъ, какъ подтверждающія недавнее разъединеніе человѣческихъ племенъ. Въ нѣкоторой мѣрѣ эти ссылки могутъ быть допускаемы, но далеко не въ той, въ какой ихъ допускаютъ Эббардъ, Кригъ и другіе. Вообще не пужно спѣшить съ апологетическими выводами, нужно искать только истины, прочее приложится само собою.

С. Глаголевъ.
